

12+

ГЕРА КОВАЛЬ

ШЕПТУХА

Наследница лугов

Гера Коваль

Наследница Лугов. Кровь помнит

«Издательские решения»

Коваль Г.

Наследница Лугов. Кровь помнит / Г. Коваль — «Издательские решения»,

Ясения ещё не знает, что дар, которого боялась её мать, уже проснулся. Что в Тёмном лесу кто-то держит души умерших. Что колёсико её чемодана увязло в глине не случайно. И что кот — не просто кот. А она — наследница Лугов.

Содержание

Глава 1. Приезд	7
Глава 2. Забава	10
Глава 3. Ворожея	13
Глава 4. Гордей	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наследница Лугов КРОВЬ ПОМНИТ

Гера Коваль

© Гера Коваль, 2026

ISBN 978-5-0070-0924-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследница Лугов

Посвящается

Русским деревенским шептухам — тем, что знали Слово и не записывали его

Пролог

Эту историю мне рассказал лес. Не словами — запахом прелой листвы, холодом тумана над Сухой Мологой, скрипом старой калитки. Я просто записала, что услышала, сидя на поваленном бревне, пока ветер шептал в верхушках сосен. Ты уж не взыщи, читатель, если что не так — я не писатель, я слушатель.

Но прежде чем рассказать о Ясени, я должна рассказать о той, что была до неё. О самой первой.

Её звали Аглая. Она жила шесть веков назад и ходила босиком даже в снег, потому что земля говорила с ней через ступни. У неё не было Книги, не было наставницы, не было даже имени для того, что она умела. Просто однажды лес позвал — и она пошла.

В ту зиму на северной опушке, у корней вывороченной ели, она нашла человека. Вернее, того, кто когда-то был человеком. Монах, алхимик, писец — проклятый за гордыню и обращённый в зверя. Он лежал на снегу и ждал, когда закончится его бесконечная жизнь. Глаза у него были жёлтые, как у волка. А душа — разорванная в клочья.

Аглая не прошла мимо. Она опустилась на колени прямо в сугроб, зажгла восковую свечу и сказала: «Я не знаю, как снять проклятие. Но я могу дать тебе служение. Остайся. Помоги мне. А я помогу тебе».

Так появился первый в роду Воронцовых фамильяр. Чёрный кот с белым пятном на груди, похожим на галстук-бабочку. Ростислав. Ему было шестьсот лет тогда, и шестьсот лет минуло с тех пор, а он всё здесь.

Потом были другие. Евдокия, что пела с лесом в войну и не пустила чужаков. Пелагея, что приняла дар в пятнадцать и умерла в двадцать. Мирослава, что осталась одна на сорок лет и не сломалась. Мария, что бежала от дара, но не смогла убежать. И наконец — Ясения.

Когда она впервые ступила на луговскую землю, она ещё ничего не ведала. Не знала, что каблуки тут не носят — земля живая, она чужого не любит. Не знала, что рогоз пахнет тинной и мятой, а зеркальце из маминого детства может показать не только лицо, но и душу. Не знала, что чёрный кот с галстуком-бабочкой будет её лучшим учителем и самым ворчливым другом.

Не знала, что колёсико её чемодана увязнет в глине Лугов — и это окажется не концом, а началом.

Бабоньки, девоньки, все, кто слушает, — это история про одну из вас. Про ту, что приехала чужой, а стала родной. Про ту, что боялась леса, а лес признал её своей. Про Шептуху, которая и не знала, что она Шептуха, пока земля не позвала.

Лес затих. Он тоже слушает. И я замолкаю — пусть говорит история...

Глава 1. Приезд

Таксист, дядя Валера, с усами как у моржа, высадил её у покосившегося столба. Дверца «Ларгуса» хлопнула, и машина, чихнув облаком чёрного дыма, унесла прочь последние звуки цивилизации.

Осталась тишина. И запах. Пахло мокрой землёй, прелой листвой и чем-то горьким, от чего внутри неприятно сжалось.

Ещё три дня назад её реальностью был прохладный хрусталь бокала с просекко в шоу-руме на Патриках, шелест контрактов, ночные афтепати в «Симачёве» и съёмки на крышах, где ветер трепал волосы, а город лежал у ног россыпью неоновых огней. Деревню Ясения видела только в эстетичных рилсах подруги-фотографа: туман над рекой, льняные платья, коровы, похожие на плюшевые игрушки. Проезжая мимо таких вот Лугов по трассе, она искренне умилялась пейзажам за тонированным стеклом.

А теперь её дизайнерские ботильоны из замши тонули в грязи.

В чемодане лежал минимум: базовый гардероб, пара платьев от кутюр «на выход», косметичка (и не одна), пауэрбанк и три пары туфель на каблуках. Ни одной пары кроссовок. Ясения мысленно прокляла свою рассеянность, но собирать вещи в панике было некогда.

Звонок матери прозвучал как гром среди ясного неба. Голос, обычно собранный и холодный, дрожал: *«Бабушка Мирослава слегла. Совсем плохо. Поезжай, Яся, ты единственная внучка. Хоть две недели побудь. Пожалуйста».*

Ясения не видела бабушку пятнадцать лет. С тех пор как в восемь лет мать среди ночи, со скандалом и истерикой, запихнула её в машину и увезла из Лугов навсегда. Почему? Ясения не помнила. Точнее, память выдавала лишь рваные, обжигающие кадры: чей-то хриплый крик в тёмных сенях, жёлтые глаза чёрного кота, сидящего на пороге, и Слово. То самое, которое мать потом запретила произносить вслух, зажимая ей рот ладонью.

Она потащила чемодан. Колёсики жалобно заскрежетали, нагребая комья грязи.

Луги встретили её неприветливо. Сорок дворов, жмущихся друг к другу, словно боялись расползтись. Кривая колокольня местной церкви накренилась так, будто прислушивалась к тому, что шепчет земля. За околицей лениво текла Сухая Молога — вода в ней была тёмной, густой, как остывший чай. А за рекой начинался лес.

Местные называли его просто — «Тот».

Ясения остановилась, глядя на стену деревьев. Лес не шумел. Он не качал ветвями, хотя ветер трепал подол её тренча. Он стоял монолитной, непроницаемой стеной теней, и от него веяло таким древним, тяжёлым покоем, что у Ясени по спине пробежали мурашки, пробиваясь даже сквозь слой тонального крема. Ей вдруг остро захотелось развернуться и пойти пешком по дороге обратно.

Но она дошла до нужного дома. Резные наличники, почерневшие от времени, крыльцо с облупившейся краской. Ясения открыла калитку, ожидая увидеть запустение, запах лекарств и тишину увядания.

Вместо этого раздался звонкий, раскатистый звук: *«Тицицк!»*

Ясения вздрогнула. На заднем дворе, у поленницы, стояла бабушка Мирослава Никитична. Никакой она не была «совсем плохой». Румяная, крепкая, в цветастом платке, повязанном по-старинному, она с пугающей точностью и силой опускала топор на берёзовое полено. Щепки летели во все стороны.

— Ой, приехала! — бабушка воткнула топор в чурбан, вытерла руки о фартук и улыbnулась, отчего по лицу разбежались лучики морщин. — А я как раз дрова рубила, милая. Заходи, чайник на плите.

Ясения стояла с открытым ртом, её чемодан предательски завалился на бок в грязь.

— Мам... мама сказала, ты при смерти, — выдавила она, чувствуя, как внутри закипает злость, смешанная с облегчением.

— Врать Машка не разучилась, — констатировала бабушка, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — При смерти она. От скуки и городской жизни. А я здорова, как кобыла. Дрова вот, колю. Земля сырая, сухих нет. Заходи, говорю. Ты ж моя городская. Шпильки сыми, тут тебе не подиум, тут земля живая, она каблучков не любит.

Ясения машинально посмотрела на свои испорченные ботильоны.

— Ты здорова? Зачем вы меня обманули? У меня через три дня примерка новой коллекции, у меня контракт...

— Контракт ты и через месяц будешь контракт, если Господь даст, — отрезала Мирослава, подхватила её чемодан одной рукой, словно тот был пуховым, и затащила в сени. — А пока ты тут, будешь воздухом дышать. И молоком парным. Пошли.

Внутри пахло сушёной полынью, печёными яблоками и озоном. Точно так пахнет в воздухе за секунду до удара молнии. Ясения разулась, брезгливо оставив грязную обувь, и прошла в горницу.

И тут она увидела его.

На лавке, покрытой домотканым ковриком, восседал кот. Он был огромным, угольно-чёрным, с безупречно белым пятном на груди, напоминающим галстук-бабочку. Кот смотрел на Ясению. Нет, он не просто смотрел. Он *изучал* её. Взгляд был настолько осмысленным, тяжёлым и полным прокурорского скепсиса, что Ясения на секунду почувствовала себя на кастинге, где её только что мысленно забраковали.

— Это Ростислав, — бросила бабушка, ставя самовар. — Можешь звать Ростиком, если он позволит.

Ясения хмыкнула, доставая из сумочки телефон. Сети не было. Вообще. Ни одной палочки. Она вздохнула, бросила айфон на одеяло и начала распаковываться. Три пары туфель. Две сумки. Косметичка. Кутюрное платье (зачем она его взяла?!). Всё это выглядело здесь инородным телом, как марсианин в деревенском клубе. Она потянулась погладить кота.

Ростислав брезгливо дёрнул носом. Он наклонился к её запястью, где ещё держался шлейф нишевого парфюма с нотами ванили и амбры, и громко, демонстративно чихнул. Затем, с грацией актёра, которому недодали заслуженный «Оскар», он медленно поднялся, потянулся и неспешно подошёл к её телефону.

— Кыш, — тихо сказала Ясения.

Кот проигнорировал. Он поднял тяжёлую чёрную лапу с белыми «перчатками» и с абсолютно каменным выражением морды нажал на боковую кнопку. Экран погас. Лапа скользнула по сенсору, переключая тумблер. Раздался тихий вибросигнал. Беззвучный режим.

Ясения замерла, её рука повисла в воздухе.

— Ты что творишь? — прошептала она.

Ростислав медленно повернул к ней голову. Жёлтые глаза сузились. И тут Ясения услышала. Голос был низким, немного хрипловатым:

— Господи, опять блондинка, — пробормотал Ростислав, спрыгивая на пол. — И ведь не выгонишь. Родня всё-таки.

Ясения отшатнулась, с грохотом отодвинув стул. Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле.

— Кто это сказал?!

Бабушка, гремевшая чашками у печи, даже не обернулась.

— Чего орёшь, Яся? Паука увидела?

— Бабуль... тут кто-то говорил. Мужчина. Хриплым голосом.

Мирослава Никитична обернулась, в её руках дымились две кружки с тёмным отваром. Она посмотрела на внучку, потом на кота. Ростислав в этот момент старательно вылизывал лапу, изображая абсолютную, кристальную невинность.

— Показалось, милая. Дорога утомительная, нервы шалют. Садись, пей, это зверобой с мятой, от сглазу и от суеты.

Ясения медленно опустилась на стул, не сводя глаз с кота. *Стресс*, — лихорадочно думала она. *Точно стресс. Я не спала двое суток, перелёт, эта тряска в такси, грязь, шок от того, что бабка жива. У меня слуховые галлюцинации. Надо выпить магний и лечь спать.*

Она потянулась к кружке, но краем глаза заметила, как Ростислав перестал умываться. Он смотрел на неё. В его взгляде больше не было просто презрения. Там читалось что-то другое. Ожидание?

И тут Ясению пронзило воспоминание. Пятнадцать лет назад. Ночь. Крик в сенях. И кот на пороге. Он был точно таким же. Огромный, чёрный, с белым галстуком. И смотрел на неё тогда точно так же.

— Бабуль, — голос Ясении дрогнул, она сжала горячую керамику кружки до побелевших костяшек, пытаясь согреть руки. — А Ростислав... он у тебя давно?

Мирослава Никитична села напротив, её лицо в полумраке горницы вдруг стало ровным и гладким, как маска.

— Ростислав? — она усмехнулась, но в усмешке не было тепла. — Ох, внучка. Ростислав тут дольше, чем я. И дольше, чем ты думаешь. Пей давай. Завтра тебе рано вставать.

— Куда вставать? Я приехала на две недели, отоспаться и...

— Завтра, Ясения, — перебила её бабушка, и в её голосе прозвучала такая сталь, что Ясения невольно выпрямилась, — ты пойдёшь к речке. И шпильки свои оставь. Обуешь то, что я скажу.

Ясения хотела возмутиться, сказать, что она не собирается никуда ходить, что у неё дедлайны и нервный срыв, но слова застряли в горле. На столе, рядом с её беззвучным телефоном, Ростислав медленно, с расстановкой, кивнул в такт словам бабули.

И Ясения с ужасом поняла: её идеально выстроенная, отфильтрованная жизнь закончилась ровно в тот момент, когда колёсико её чемодана увязло в глине Лугов. А самое страшное было впереди...

Глава 2. Забава

Проснуться было невозможно. Словно кто-то надел на неё тяжёлое, сырое одеяло, пропитанное сном, и придавил к матрасу. Ясения тонула в вязкой темноте, где не было ни дедлайнов, ни уведомлений, ни даже её собственного имени.

— Вставай, городская. Хватит дрыхнуть, солнце уже над Тем лесом.

Шторы с треском дёрнули. Свет ударил по глазам, как пощёчина. Ясения застонала, натягивая одеяло на голову, но бабушкины руки оказались на удивление сильными. Одеяло безжалостно сдёрнули.

— Бабуль, ну ещё пять минуточек... У меня джетлаг, — прохрипела Ясения, хотя никакого джетлага между Москвой и Лугами быть не могло.

— Какой ещё джек-пот? Вставай, говорю. Пойдёшь к Сухой Мологе, нарвёшь мне рогоза. Для веника и от бессонницы.

Ясения села, растрёпанная, в мягкой шёлковой пижаме, которую вчера достала из чемодана.

— Рогоза? Бабуль, я даже не знаю, как он выглядит. И у меня вообще-то...

— Рогоз коричневый, на палочке, не перепутаешь, — отрезала Мирослава Никитична, ставя на табуретку таз с водой и полотенце. — А Ростислав покажет. Он с тобой пойдёт. И телефон свой возьми, если так приспичило. У реки сеть ловит, вышка за холмом. А в доме стены толстые, не пробивает.

При слове «сеть» Ясения оживилась. Она схватила айфон. Экран предательски показывал «Нет сети». За ночь она пропустила тридцать два сообщения от ассистентки, два звонка от менеджера бренда и кучу реакций на вчерашний, так и не отправленный черновик сторис.

Она оделась в рекордные сроки: широкие джинсы, оверсайз-свитер цвета овсянки, который вчера нашла в бабушкином сундуке (пах нафталином, но сидел потрясающе), и те самые замшевые ботильоны, которые она с утра отчаянно чистила влажными салфетками.

Ростислав ждал её на крыльце. Кот сидел, обвив хвостом лапы, и смотрел на неё с немым укором.

— Ну чего смотришь, пушистый? Пошли искать твой рогоз и мой интернет, — буркнула Ясения.

Кот медленно моргнул, прыгнул с крыльца и неспешно двинулся к тропинке, ведущей к реке. Он шёл ровно на три шага впереди, не оглядываясь, словно знал, что она никуда не денется.

У Сухой Мологи было тихо. Туман ещё не до конца сошёл, цепляясь за верхушки кустов седыми ключьями. Ясения достала телефон. Одна палочка. Потом две. LTE! Она с облегчением выдохнула, чувствуя, как по венам разливается привычный дофамин. Набрала сообщение: «*Всё ок, я у ба, связь плохая, не теряйте*», — и нажала «Отправить».

Пока грузились сообщения, она огляделась. Рогоз действительно рос тут в изобилии — тёмные, бархатистые початки покачивались на ветру. Ясения стянула ботильоны, осталась в носках и, морщась от холода, ступила в прибрежную грязь.

Она уже дёрнула пару стеблей, когда услышала всплеск. Не плеск рыбы, а звук, словно кто-то тяжело и устало вздохнул прямо в воде.

Ясения замерла, сжимая в руке рогоз. У старой ивы, чьи длинные ветви почти касались воды, кто-то сидел.

Сначала Ясения подумала, что это местная девчонка. Но когда та повернула голову, дыхание у Ясении перехватило. Девушка сидела в воде по грудь, не замечая ледяной температуры. Её мокрые русые волосы, тяжёлые и длинные, струились по воде, как водоросли. Кожа была неестественно бледной, полупрозрачной, с перламутровым отливом — точь-в-точь лунный

камень, который Ясения видела на выставке в ГМИИ. А глаза... Два глубоких, тёмно-голубых омута, в которых не отражалось небо.

В руках девушка сжимала размокший, раскисший кусок глянца.

— Осторожнее, московская, — голос прозвучал не снаружи, а словно прямо в голове, переливчато, как звон капли. — Там коряга под илом. Порезешься, вода красная будет, а мне стирать надоест.

Ясения попятилась, но нога предательски скользнула. Она чудом удержала равновесие, судорожно сжав рогоз.

— Ты... ты кто?

Девушка усмехнулась. У неё были чуть полноватые губы и мелкие, острые зубки.

— Забава. А ты Ясения. Мирославкина внучка. Давно не виделись, выросла-то как. Вон какая вытянулась.

Ясения стояла по щиколотку в воде, забыв про холод. Страх был, но он странным образом смешивался с профессиональным интересом. *Боже, какой у неё тон кожи. И этот перламутр... Это что, хайлайтер? Нет, это светится изнутри.*

Забава подплыла ближе, опираясь локтями на полузатопленный ствол. Вблизи от неё пахло не тиной, а речной мятой и озоном.

— У тебя ногти какого цвета? Красные? Покажи ближе.

Ясения, повинувшись какому-то гипнотическому импульсу, протянула руку. Забава не коснулась её, лишь повела рукой над пальцами, и Ясения почувствовала приятный холодок.

— Ого. Гель? А я думала, это лак. Слушай, а в столице все такие тонкие или ты больная? Рёбра через свитер видать.

Ясения фыркнула, и страх окончательно отступил, уступив место возмущению.

— Это оверсайз, вообще-то. И я вешу пятьдесят два килограмма, спасибо большое. Это сейчас модно. А ты что, из воды не выходишь? Простудишься же.

Забава рассмеялась. Смех был похож на перекачивание гладкой гальки на дне.

— Я, милая, с тысяча восемьсот девяносто четвёртого года не простужаюсь. Утонула. Лёд тонкий был, а за кавалером с ярмарки бежала. Дура была, молодая. Теперь вот сижу.

Она подняла свою «добычу» — раскисший журнал.

— Обожаю ваши журналы. Туристы летом с моста роняют, а течение к иве несёт. Тут про тренды писали. Ничего не поняла, но картинки красивые. Жалко, размокло. У вас там сейчас правда в моде носить мешки?

Ясения села прямо на сырой берег, подтянув колени к груди. Это было сюрреалистично. Она, топ-инфлюенсер, сидит на берегу деревенской речки и обсуждает моду с русалкой, которая утонула при Александре Третьем.

— Не мешки, а свободный крой, — поправила Ясения и вдруг поймала себя на том, что улыбается.

Забава была первой в Лугах, кто смотрел на неё без осуждения. Бабушка видела в ней «городскую», таксист — «барышню с чемоданом», кот — «очередную блондинку». А Забава смотрела с искренним, жадным любопытством. Для неё Ясения была не чужаком, а окном в мир, который она потеряла больше века назад.

Они проболтали, наверное, с час. Ясения рассказывала про показы, про то, как сложно держать личный бренд, про фальшь в соцсетях. Забава слушала, кивала, иногда вставляла едкие, но меткие комментарии. Оказалось, что сплетни за сто тридцать лет не сильно изменились, просто декорации сменились.

Но потом ветер переменялся. Принёс запах горькой полыни с того берега. Забава вдруг замолчала. Её перламутровое лицо стало серьёзным, а голубые омуты глаз потемнели, став почти чёрными.

— Слушай, Яся... — её голос потерял игривость, став тихим и шелестящим. — А ты знаешь, что у вас в Лугах четвертую неделю люди неправильно умирают?

Ясения, которая как раз пыталась отряхнуть песок с джинсов, замерла.

— Что значит «неправильно»? Бабушка сказала, тут всё тихо. Умер дед Матвей от сердца, тётя Шура...

— Тихо — это для живых, — перебила Забава, и в её голосе проскользнула сталь. — Тихо, это когда душа выходит и к свету идёт. А тут... Они не уходят, Яся. Они *застревают*.

Русалка подалась вперёд, и вода вокруг неё перестала колыхаться, застыв, как стекло.

— Тени по берегу шатаются. Воют так, что даже мне, мёртвой, не по себе. Третий уже. Дед Матвей, тётка Шура, а вчера пастухов мальчишка, Лёшка. Живые думают: старость, болезнь, несчастный случай. А я вижу. Их души кто-то *держит*. Не отпускает за реку. Связывает.

У Ясении по спине пробежал ледяной ток, от которого заныли зубы.

— Кто держит?

— Не знаю, — Забава покачала головой, и капли воды с её волос упали в реку тяжёлыми, как ртуть. — Но это нечисть. И она голодная. Мирославка твоя знает. Думала, зачем тебя позвала? Не рогоз рвать, дурочка.

Сзади раздалось недовольное, утробное урчание. Ясения обернулась. Ростислав, который всё это время дремал на сухом пне, теперь стоял, выгнув спину дугой. Его жёлтые глаза были прикованы к Забаве, а из горла вырывался низкий, вибрирующий звук, больше похожий на предупреждение, чем на кошачье недовольство.

— Ой, всё, сторож проснулся, — Забава фыркнула, но в её глазах мелькнуло уважение. Она начала медленно погружаться в воду. — Мне пора. Солнце высоко, кожа сохнет. Приходи ещё, Яся. И журнал привези, если не жалко. Свежий. И... берегись Того леса. Он сейчас тоже не спит.

Вода сомкнулась над её головой. Без единого круга, без всплеска. Словно никого и не было. Только на берегу, на том месте, где она опиралась, лежала маленькая, идеально гладкая речная ракушка.

Ясения медленно поднялась. Ноги затекли, ботильоны были безнадежно испорчены, а в руке она сжимала пучок рогоза. Она посмотрела на телефон. Сообщение ушло. Связь снова пропала.

Она перевела взгляд на кота.

— Ты знал? — тихо спросила она.

Ростислав перестал урчать. Он сел, элегантно обвил хвостом лапы и посмотрел на неё своим прокурорским взглядом. А потом медленно, с расстановкой, кивнул.

Ясения сжала кулаки. Под слоем паники, под шелухой городских привычек и страха перед неизведанным, вдруг проснулось что-то другое. То самое, что когда-то заставило её в одиночку пробиться в жёсткий мир фэшн-индустрии, где акулы были страшнее деревенской нечисти. Аналитический ум. Упрямство. Неприятие нестыковок.

«Люди неправильно умирают». «Кто-то держит». «Мирославка знает».

Она приехала сюда, думая, что будет играть роль послушной внучки в семейной драме. Оказалось, она попала в место преступления. И если бабушка молчит, а местные слепы, значит, разбираться придётся ей. В конце концов, Ясения Воронцова никогда не бросала начатое, будь то съёмка или расследование.

— Ну что, Ростик, — Ясения наклонилась, подобрала ракушку, оставленную Забавой, и сунула её в карман джинсов. Голос её звучал на удивление ровно. — Пойдём рогоз нести. А потом ты мне расскажешь, кто тут у вас, блин, души ворует. И не вздумай врать, что тебе это не положено по должности.

Кот фыркнул, развернулся и неспешно зашагал к дому. Но на этот раз он шёл не на три шага впереди. Он шёл рядом. Плечом к плечу.

Глава 3. Ворожея

Домой они возвращались молча. Ясения сжимала в руках рогоз и свой розовый айфончик, и оба предмета казались ей одинаково тяжёлыми. Ростислав шёл рядом, то и дело косясь на неё странным, оценивающим взглядом.

Бабушка ждала их на крыльце. Увидев их лица, она молча посторонилась, пропуская внучку в дом.

— Рогоз нарвала, — Ясения швырнула пучок на стол и села на лавку, сразу же чувствуя, как ноет всё тело. — Бабуль, мне нужно поговорить.

Мирослава Никитична подняла бровь, но ничего не сказала. Она поставила на стол самовар и села напротив. Ростислав занял своё место на лавке, сложив лапы и нацепив на морду выражение «я здесь ни при чём, просто мимо проходил».

— Расскажи мне про Аглаю, — Ясения начала без предисловий. — И про то, что творится в деревне.

Бабушка замерла с чашкой в руках. Потом медленно поставила её на стол и вздохнула.

— Забава наговорила. Я ведь так и знала.

— Она сказала, что люди неправильно умирают. Что души не уходят. Что их кто-то держит. — Ясения подалась вперёд. — Это правда?

Мирослава Никитична долго молчала. Смотрела на внучку, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Аглая Патриковна Кузьмина. Ей под сотню, а может, и больше. Я её с детства помню — тогда уже старой была. Живёт на хуторе, за Тем лесом, в избушке. Одна. Все думали — ведьма. А я думаю — просто одинокая. Да и колдовала она всегда. Но мелко. Наговоры от сглазу, приворотные зелья, сны ворошить. Ерунда.

— А теперь?

Бабушка покачала головой.

— Теперь — не знаю. Я с ней сорок лет не разговариваю. Не после чего. Но слухи ходят... будто она в могилы лазит. Вещи с мёртвых снимает. Кольца, платки, крестики. Местные думают — ворожба. А я думаю — жадность.

— Но вещи мёртвых — это не убийство, — Ясения нахмурилась. — При чём здесь души?

— А вот при чём, — бабушка встала, подошла к печке и достала из-за неё небольшой ключ. — Пойдём, покажу кое-что.

Она прошла в сени, отворила дверь в подполье и начала спускаться. Ясения, переглянувшись с Ростиславом, пошла следом.

В подполе было сыро и темно. Бабушка зажгла свечу, и в её тусклом свете Ясения увидела старый сундук, обитый железными полосами. Внутри лежали вещи. Старые платки, обувь, нательный крест с цепочкой, золотое кольцо с камешком... Всё это выглядело так, будто пролежало здесь много лет.

— Это я у неё отняла, — тихо сказала бабушка. — За двадцать лет. Она воровала с кладбища, я у неё отбирала и прятала. Думала — перестанет. Не перестала.

— Но при чём здесь души? — повторила Ясения.

— Это не просто вещи, — бабушка подняла кольцо. В свете свечи оно блеснуло. — Это память. Вещь, к которой душа привязана. Пока вещь здесь — душа может уйти. А она утащит вещь в свою избушку... и душа не уходит. Блуждает. Не знает, куда. Привязана.

Ясения почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Она крадёт не вещи. Она крадёт души?

— Душа без вещи — как без нити, — кивнула бабушка. — Без ориентира. Ходит кругами. А Аглая... она их держит. Зачем — не знаю. Может, силу черпает. Может, просто компания ей нужна. Она ведь совсем одна.

Ростислав, сидевший на ступеньке, вдруг издал низкий, вибрирующий звук. Ясения обернулась к нему.

— Ты знал, — она указала на него пальцем. — Всё время знал.

Кот медленно моргнул. В его глазах было что-то похожее на сожаление.

— Ладно, — Ясения повернулась к бабушке. — Что делать? Как остановить её?

Мирослава Никитична посмотрела на внуку долгим взглядом.

— Ты что, в самом деле лезть собралась? Покалечит тебя или заговорит. Или того хуже...

— Завтра на рассвете я иду к Аглае Патриковне, — объявила она бабушке. — Одна.

Глава 4. Гордей

Утро третьего дня началось с пугающей обыденности. Неужели так бывает? Никаких призраков, никаких краж душ, никаких говорящих котов с саркастичными комментариями. Только запах сдобного теста с брусникой, тепло от русской печи и тихое мурлыканье.

Бабушка возилась на кухне — месила тесто, прихлопывая ладонями по деревянной доске. Ростислав сидел на подоконнике, вылизывая лапу, и смотрел в окно с выражением кота-философа, размышляющего о бренности бытия.

— Ты чего это малюешься? — Ростислав прервал своё занятие и уставился на неё. — Тут три человека населения, не считая меня.

— Привычка — вторая натура, — усмехнулась Яся.

Закончив с макияжем, она критически оглядела свою косметичку. И тут ей в голову пришла идея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.